

RAR
УДК 008
ББК 71
DOI 10.34685/NI.2025.22.51.003

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ БОГИНИ МОРЕНЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ

Козлов Михаил Николаевич,
доктор исторических наук,
профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура»,
Институт общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет,
ул. Университетская, д. 33, г. Севастополь, Россия, 299053,
kmn_75@mail.ru

Бойцова Елена Евгеньевна,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Всеобщая история и мировая культура»,
Институт общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет,
ул. Университетская, д. 33, 299053 г. Севастополь, Россия,
e.e.bojtsova@mail.sevsu.ru

Аннотация

На основе анализа новгородских берестяных грамот и древнерусских поучений против язычества проведен исторический анализ религиозных представлений новгородцев языческой и раннехристианской эпох, связанных с богиней Мореной. Авторы показали несостоятельность гипотезы Б.А. Рыбакова о том, что Морена это название ритуальной куклы, используемой во время масленичных гуляний. Также они опровергли предположение Л.Р. Прозорова о том, что культ Морены сохранился в древнем Новгороде вплоть до второй половины в XII в. По мнению исследователей, новгородские славяне почитали общеславянскую богиню смерти Морену в языческую эпоху. После введения христианства произошел синкретизм языческого культа богини Морены с образом Богоматери Девы Марии.

Ключевые слова

Морена, берестяные грамоты, средневековый Новгород, боярин Петр Михалкович.

О язычестве новгородских славян известно не много. Так, в нескольких древнерусских летописях сообщается о том, что дядя князя Владимира Добрыня установил в Новгороде в урочище Перынь идол бога воинского сословия и покровителя династии Рюриковичей Перуна.

Почитание же других языческих божеств в новгородской земле мы можем предположить

лишь гипотетически на основе анализа местной топонимики.

В связи с этим тяжело переоценить недавно обнаруженные отечественными исследователями в археологическом слое третьей четверти XII века Троицкого раскопа (усадебный Е и Т) несколько берестяных грамот, в которых упоминается имя общеславянской языческой богини Морены.

Они позволяют нам приоткрыть завесу тайны над одной из значимых загадок отечественной науки — верованиями и представлениями жителей средневекового Новгорода.

Дореволюционные исследователи видели в Морене богиню смерти и зимы.¹ Отсутствие упоминания Морены в древнерусских летописях позволило советским ученым, в частности Б.А. Рыбакову прийти к выводу о том, что Морена — это не имя богини, а название ритуальной куклы, которую топили в воде или сжигали во время масленичных гуляний.²

Мнение современных ученых разделились. Одни из них, вслед за Б.А. Рыбаковым считают, что Морена это название ритуальной куклы.³ С ними не согласны те, кто считает богиню Морену важной частью языческого пантеона новгородских словен.⁴

Определить существовал ли у новгородцев культ богини Морены в языческую и раннехристианскую эпохи — главная задача данной статьи.

При работе над данным исследованием были использованы тексты чешских и польских хроник XII–XVI вв., новгородские берестяные грамоты, а также древнерусские поучения против язычества XII–XVI вв.

Прежде всего, нельзя согласиться с гипотезой Б.А. Рыбакова о том, что в древнеславянском пантеоне не существовало богини Морены. По крайней мере, западные славяне вполне определенно ее знали и почитали как богиню смерти и зимы.

Так, чешский хронист XII в. Козьма Пражский упомянул славянскую богиню смерти в своих «Чешских хрониках». В данном источнике можно найти фразу о том, что княгиня Кази была

настолько хорошим лекарем, что иногда побеждала саму богиню смерти Морану».⁵ Ян Длугош — польский хронист XV в. в своем труде «История Польши» назвал Морену польской Церерой.⁶

Другой польский хронист М. Бельский сообщил о том, что еще в XVI в. местные крестьяне ранней весной делали соломенное чучело, одевали на него женскую одежду, торжественно несли к реке и бросали в воду. Это чучело называлось Маржаной и олицетворяло у славян выдворение зимы и смерти.⁷

Обряд выдворения зимы-Морены (Мораны или Маржаны) практиковался у многих славянских народов, в том числе и восточных славян вплоть до середины XIX в.⁸

Есть основания полагать, что Морену в дохристианскую эпоху знали и новгородцы. Так, на реке Маревка, южнее Новгорода недалеко от Демянска (старое название Демон) находится районный центр Морево. Возле него было обнаружено крупное городище, а также курганный могильник IX–X в.⁹

Старые названия местных селищ — Демон и Морево, а также реки Маревка указывают на существование здесь в древности городища-святилища, посвященного Морене.

В нескольких новгородских берестяных грамотах упоминается женское имя Морена. Так, в одной из них, относящейся к 1399 г., например, содержится следующая любопытная строчка: «свою дъвку на имь Марену».¹⁰

Все языческие имена у древних славян вели свое происхождение от богов-прародителей. Та-

1 Соловьев С.М. История России с древнейших времен в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1988. Книга 1. Т.1-2. 798 с. С.105; Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т.1. 800 с. С. 80; Костомаров М.И. Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики і літературознавства. Київ: Либідь, 1994. 384 с. С.220-221

2 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с. С.175-176

3 Янин В.Л., Зализняк А.А., Гippiус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997-2000 гг.). Т. XI. М.: Русские словари, 2004. 290 с. С.169

4 Прозоров Л.Р. Морена новгородская: к возможной трактовке одного образа из берестяных грамот // Восточно-европейский научный вестник. 2016. №4. С.58-61

5 Козьма Пражский. Чешская хроника. М.: Наука, 1962. 189 с. С.4

6 Dlugosz Jan. Roczniki czyli kroniki slawnego krolewstwa Polskiego. Warszawa: 1962. 543 p. S.123

7 Хроника Марциана Бельского // Полное собрание русских летописей. Т.22. Ч.2.. Прага: 1914. С. 207-228. С.210

8 Щепкин Д. Об источниках и формах русского баснословия. М.: Типография П. Грачева, 1861. 180 с. С.13; Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. С. 79-81

9 Пронин Г.Н. Мильков В.В. Раскопки древнерусских памятников в Новгородской области // Краткие сообщения Института археологии. 1981. №164. с.73 -82. С.79-81

10 Янин В.Л., Зализняк А.А., Гippiус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997-2000 гг.). Т. XI. М.: Русские словари, 2004. 164 с. С.25

ким образом, одной из них новгородцы считали богиню смерти.

Морена упоминается также в новгородских берестяных грамотах № 794, 798, 849, 955. Все они были датированы серединой или третьей четвертью XII века. Три из четырех берестяных грамот были найдены на территории одной усадьбы (Усадьба Е Троицкого раскопа), четвертая из соседней усадьбы Т.

А.А. Гиппиус предположил, что автором берестяных грамот № 794 и № 849 является новгородский боярин Петр Михалкович. Именно ему принадлежала Усадьба Е Троицкого раскопа во второй половине XII века. Морена же, по мнению исследователя, это его жена Марья.¹¹

С ним не согласен Л.Р. Прозоров, который видит в упоминаемой в четырех берестяных грамотах Морене языческую богиню, которой поклонялись новгородцы во второй половине XII в.¹²

С предположением Л.Р. Прозорова нельзя согласиться. Так, на одном из кратиров XII из Новгородского Софийского собора была обнаружена круговая надпись с именами бояр Петра и Марьи. По мнению А.А. Гиппиуса надпись была сделана в честь бояр Петра Михалковича и его жены Марьи, подаривших кратир Софийскому собору.¹³

Таким образом, боярин Петр и его жена Марья считали себя христианами и даже делали щедрые пожертвования в пользу христианской церкви. Откуда же в таком случае имя языческой богини попало в берестяные грамоты, найденные в их усадьбе?

Ключом к этой загадке является рисунок, сделанный новгородкой Милушей в дополнение к тексту берестяной грамоты №955. Незвестная новгородка из усадьбы, соседней с имением Петра Малковича, обращается к Морене с предложением о том, чтобы какая-то Большая Коса вышла замуж за новгородца Сновида. Справа от текста на берестяной грамоте можно различить фигуру женщины в царской короне с нимбом и большой христи-

анский крест: «От Милуши к Марене. Большой Косе — пойти бы ей замуж за Сновида. Маренка! Пусть же напьется (набухнет) рождающее лоно!»¹⁴

Таким образом, Морена, к которой обращается Милуша — это не языческая богиня, а Царица Небесная Дева Мария. Вместе с тем, вполне можно согласиться и с Л.Р. Прозоровым, о том, что в данной берестяной грамоте содержится древняя языческая свадебная формула пожелания женского плодородия будущей невесте.¹⁵

Во второй части той же берестяной грамоты Милуша уже обращается к земной женщине Морене (жене боярина Петра?) с просьбой вернуть вчерашний долг — две гривны.¹⁶

Та же двойственность просматривается и Берестяной грамоте №849: «Приветствие от Петра к Демше. Дай Микуле Кишке гривен шесть, взявши у Морены. Приведа его сам, дай в присутствии Морены. А если попросит Ярко, то тому не давай. Приветствую тебя. Сделай же милость, исполни сам».¹⁷

Петр Михалкович в ней обращается к одному из своих доверенных людей, чтобы тот взял у Морены шесть гривен и отдал их некому Микуле Кишке. Здесь речь идет явно о жене боярина Марье. Далее же уже содержится требование давать деньги «в присутствии Морены». На первый взгляд это бессмыслица. Зачем Марье присутствовать в качестве свидетеля при передаче денег, если до этого они у нее же и были взяты? Объяснением здесь может быть тот факт, что Морена во второй части грамоты это уже не супруга боярина, а Дева Мария. Фраза «в присутствии Морены» в таком случае означает клятву перед иконой Богородицы. Вероятно, клятва должна была закрепить денежную сделку.

В берестяной грамоте №798 обсуждаются финансовые дела боярина Завида. В ней Завид требует, чтобы сыновья какой-то его родственни-

11 Гиппиус А.А. О происхождении Новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгородский исторический сборник. Вып. 9(19). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 77-93. С.85

12 Прозоров Л.Р. Морена новгородская: к возможной трактовке одного образа из берестяных грамот // Восточно-европейский научный вестник. 2016. №4. С.58-61

13 Гиппиус А.А. О происхождении Новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение». С. 77.

14 Древнерусские берестяные грамоты. Электронный ресурс. Точка доступа <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/955/>

15 Прозоров Л.Р. Морена новгородская: к возможной трактовке одного образа из берестяных грамот. С.58

16 Древнерусские берестяные грамоты. Электронный ресурс. Точка доступа <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/955/>

17 Древнерусские берестяные грамоты. Электронный ресурс. Точка доступа. Точка доступа <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/849/>

цы выплатили за него долг зерном Морене, а он позже приедет и расплатится: «Поклон от Завида к... Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Морене, поскольку я приду, и ты тогда отдашь своему сыну отдай назад зерном же». Кланяюсь тебе».¹⁸

Учитывая тот факт, что берестяная грамота №798 была найдена при раскопках все в той же усадьбы Е Троицкого раскопа и также относится к 60-ым — 80-ым гг. XII в. Морена в данном случае та же Марья — жена Петра Михалковича.

Особый интерес вызывает берестяная грамота №794, в которой Петр Михалкович инструктирует жену Марью как напугать кого-то из новгородских князей (судя по периодизации грамоты Святослава Ростиславича или Мстислава Ростиславича) если он наделит чем-то купцов (новыми налогами?) и пришлет к ней доверенного человека: «От Петра к Марене. Если станет князь надевать купцов и пришлет к тебе, то ты ему скажи: «Ты, князь, ведаешь. Кого из мужей мор прошлой зимой унес, тех»».¹⁹

Текст данной берестяной грамоты свидетельствует о том, что Новгород в XII в. был населен ярко выраженными двоеверцами. Не случайно местные жители называли Деву Марию Мореной. В ней видели все ту же языческую богиню, связанную с загробным миром. Супруга боярина Петра Марья, названная при крещении Марией, должна была получить покровительство Богородицы, которая у новгородцев ассоциировалась с грозной богиней смерти. Петр же в берестяной грамоте предложил своей жене напомнить новгородскому князю, что бывает с теми, кто обидит женщину, находящуюся под покровительством Богоматери.

Как мы видим, в вышеприведенном тексте берестяных грамот культ Морены — языческой богини, связанной со смертью и деторождением самым причудливым образом, переплелся с христианским культом Богоматери. Богинями смерти, плодородия и деторождения у наших предков считались рожаницы. Не случайно, во время всех поминальных ритуалов, как свидетельствуют многочисленные поучения против язычества

раннехристианской эпохи, наши предки устраивали «рожаничью трапезу».

Вполне возможно, что Морена была одной из богинь рожаниц. В таком случае находит объяснение тот факт, что при самом широком распространении во всем восточнославянском мире масленичного обряда «Проводов Морены», ее имя не упоминается не в одном из дошедших до нашего времени древнерусских письменных источников. Морена упоминается в многочисленных словах и поучениях против язычества как рожаница, а не под собственным именем.

О том, что у наших предков Дева Мария на протяжении многих столетий ассоциировалась с богинями-рожаницами свидетельствуют многие древнерусские «Слова» и «Почтения» против язычества XI–XVI вв.

Так, в славянском глоссе к «Слову Григория Богослова об идолах» сообщается о том, что даже представители христианского духовенства признавали тот факт, что недавние язычники видели в Богородице одну из богинь-рожаниц: «по святом крещении, чревоугодники попове «оуставиша трепарь прикладати, рождества Богородицы к рожаничьне трапезе отклады деюще»».²⁰

О том, что в Деве Марии наши предки видели богиню-рожаницу сообщается также в одном из списков «Слова некоего Христолюбца»: «Смешаем некие чистые молитвы Пресвятыя Богородицы проклятым молением идольским, иже ставят лише трапезы кутинные и законнаго обеда иже нарицается незаконная трапеза и менимая роду и рожаницам в гневѣ Богу».²¹

Таким образом, можно предположить, что в языческую эпоху новгородские славяне знали и почитали общеславянскую богиню-рожаницу Морену. После введения христианства произошел синкретизм языческого культа богини Морены с образом Богоматери Девы Марии.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т.1. 800 с.

18 Древнерусские берестяные грамоты. Электронный ресурс. Точка доступа <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/798/>

19 Древнерусские берестяные грамоты. Электронный ресурс. Точка доступа <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/794>

20 Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков. 1915. Т. 2. 354 с. С.24

21 Там же. С.43.

2. Гиппиус А.А. О происхождении Новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгородский исторический сборник. Вып. 9(19). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 77–93.
3. Костомаров М.І. Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики і літературознавства. Київ: Либідь, 1994. 384 с.
4. Прозоров Л.Р. Морена новгородская: к возможной трактовке одного образа из берестяных грамот // Восточноевропейский научный вестник. 2016. №4. С.58–61.
5. Пронин Г.Н. Мильков В.В. Раскопки древнерусских памятников в Новгородской области // Краткие сообщения Института археологии. 1981. №164. С.73–82.
6. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1988. Книга 1. Т. 1–2. 798 с.
8. Щепкин Д. Об источниках и формах русского баснословия. М.: Типография П. Грачева, 1861. 180 с.
9. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М.: Русские словари, 2004. 164 с.

ON THE QUESTION OF THE CULT OF THE GODDESS MORENA IN MEDIEVAL NOVGOROD

Kozlov Mikhail Nikolaevich,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department
of General History and World Culture,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., 299053 Sevastopol, Russia,
kmn_75@mail.ru

Boitsova Elena Evgenievna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of General History and World Culture,
Institute of Social Sciences and International Relations,
Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., 299053 Sevastopol, Russia,
e.e.boitsova@mail.sevsu.ru

Abstract

Based on the analysis of Novgorod birch bark letters and ancient Russian teachings against paganism, a historical analysis of the religious beliefs of Novgorodians of the pagan and early Christian eras associated with the goddess Morena was carried out. The authors demonstrated the inconsistency of B.A. Rybakov's hypothesis that Morena is the name of a ritual doll used during Maslenitsa festivities. They also refuted L.R. Prozorov's assumption that the cult of Morena survived in ancient Novgorod until the second half of the 12th century. According to the researchers, the Novgorod Slavs revered the common Slavic goddess of death Morena in the pagan era. After the introduction of Christianity, there was a syncretism of the pagan cult of the goddess Morena with the image of the Virgin Mary.

Keywords

Morena, birch bark letters, medieval Novgorod, boyar Pyotr Mikhalkovich.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство Эл № ФС77-85532 от 11 июля 2023 г.

Форма периодического распространения — сетевое издание.

Подписано в печать: 30.12.2025.

Адрес редакции: 129366, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru>

E-mail: knaros@yandex.ru